

МРГ
ТВОИХ
ИМЕНИ

ДИНА
САБИТОВА

ВОТ ЭТО
КНИГА!

12^{от}
15
до

Дина Сабитова

Три твоих имени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9340652

Три твоих имени / Дина Сабитова: Розовый жираф; Москва; 2012

ISBN 978-5-4370-0090-8

Аннотация

Ритка живет в деревне с сестрой и пьющими родителями. Третьеклассницу, аккуратистку Марго взяла в свою семью медсестра детдома. Почти взрослая Гошка надеется, что дурная слава защитит ее от окружающих. Но у каждой из них есть шанс стать счастливой. И все они – одна девочка. От того, как повернется ее судьба, зависит, какое имя станет настоящим. Пронзительная история ребенка, потерявшего родителей и попавшего в детский дом, читается на одном дыхании. И все же самое сильное в этой книге – другое: в смешанном хоре голосов, рассказывающих историю Маргариты Новак, не слышно ни фальши, ни лукавства. Правда переживаний, позволяющая читателю любого пола и возраста ощутить себя на месте героев заставляет нас оглянуться и, быть может, вовремя протянуть кому-то руку помощи.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дина Сабитова

Три твоих имени

© Н. Агапова, ZOLOTOgroup, макет серии, 2011

© Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2013

* * *

дочке Люше

Часть первая

Ритка

Глава 1

Что Ритка любит

– Чего ж ты плачешь, Муратовна, поешь и плачешь? – спрашивает Ритка.

Старая Муратовна вытирает краем платка глаза и вздыхает:

– Так песня жалостливая, вот и плачется от нее.

– А ты пой веселую песню! Пой про ландыши! – Ритка тревожно смотрит в лицо старухе. Кому же нравится, когда при нем поют и плачут. Вот Ритка и старается придумать, как развеселить Муратовну. Про ландыши – там про май, и про букет, и про любовь – Риткина любимая песня.

– Или давай чай пить с пирогом, – предлагает девочка. – Чай с пирогом – мое любимое веселье.

– Легко тебе развеселиться, – гладит ее по голове Муратовна, – эх, дитя-дитя...

Да, у Ритки часто бывает хорошее настроение. А когда ей грустно, то она думает о том, что у нее есть в жизни любимое.

Много у Ритки любимого в жизни.

Пирог с малиной и чай в гостях у Муратовны. Ходить в Каменный лог за земляникой. Игрушечная собачка Гвоздик. Когда пылью пахнет перед дождем. Козлята маленькие – у них рожки смешные. Сметана – только редко она достается Ритке. Петь песни громко, во весь голос. Татка – когда он в хорошем настроении. Мамка...

Тут Ритка быстро перескакивает мыслями дальше. Мамку, конечно, она любит. Но только не хватает у Ритки слов и мыслей, чтоб объяснить самой себе, почему же в этом месте списка она запинается. Ну, в общем, мамка. Еще любит Ритка купаться в речке, жареную картошку, Муратовну любит, любит мультики смотреть у Муратовны по телевизору (дома у Ритки телевизора нет). Еще есть любовь, которой Ритка гордится, потому что это очень красивая и взрослая любовь: любит Ритка русского поэта Пушкина и польского поэта Мицкевича.

Кто бы мог подумать, что Ритка про них знает? Ведь ни читать она не умеет, ни книжек у них в доме нет – ни одной.

Ритка часто про это думает: почему это у всех в доме есть телевизор, а у некоторых даже книжки. Вот у Муратовны целая полка книг – все в ярких обложках, романы про любовь. Ритка хоть читать и не умеет, но любит обложки разглядывать, потому что на них ужас какие красивые девушки нарисованы. Иногда даже принцессы. Ритка берет книжку с нарисованной красавицей в лиловом платье и спрашивает Муратовну:

– А как эту девушку зовут?

Муратовна заглядывает в книгу и отвечает:

– Элеонора!

Тогда Ритка залезает с ногами на кровать, прижимается спиной к натопленной печке и сочиняет про Элеонору.

– Жила-была Элеонора. Во дворце. А рядом жил злой волшебник, и он не хотел, чтоб Элеонора выходила замуж. А тут приехал принц, ее муж. То есть жених. И сказал Элеоноре, чтоб она выходила за него замуж, потому что он ее любит. А Элеонора сказала: я не могу, меня волшебник не пускает замуж. Принц тогда пошел и отрубил волшебнику голову, и волшебник бегал по замку как куренок без головы, а потом совсем умер.

– Что ты там бормочешь? – спрашивает, появившись из кухни, Муратовна.

– Да я так, ничего... – смущается Ритка, – я книжку читаю.

– А, ну читай-читай, – кивает Муратовна. Она знает, что читать Ритка не умеет, но никогда не насмехается над ней. Велико ли дело – не умеет читать. Вот пойдет в школу и научится. Скоро уже пойдет, осенью.

Так что в Риткином списке про любовь еще есть книжки. Ритка думает: «Научусь читать – все книги у Муратовны прочитаю»...

Такая вот у Ритки мечта.

Глава 2

Что у Ритки есть

Есть у татки с мамкой корова Снежка. Только Ритке от этого никакой радости.

Козы – другое дело. У них глаза как бусины. А у козлят, если прижать их к себе, под тонкой шкуркой – хрупкие косточки. Козлята мекают как дети, и козы тоже орут протяжно и жалостливо.

Но коров Ритка боится. Корова дышит тяжело, хрустит травой, двигается тупо то одним, то другим боком. Того и гляди – наступит в узком простенке Ритке на ногу копытищем.

Корова привязана за рога над кисло пахнущим корытцем, под лабазом. Стоит, вздыхает там, жует, ворочается. Ритке надо воды из колодца в дом принести. А колодец под тем же лабазом, от коровьего навозного хвоста в метре. Страшно Ритке идти за водой.

Но татка вот сейчас закричит из избы:

– Ритка, где вода?

И еще прибавит слов, нехороших.

Ритка эти слова знает, и, когда Татка кричит, Ритка повторяет их шепотом, чтоб никто не слышал. В жизни пригодится.

Нет у татки воды, а ему пить хочется.

И настроения у татки нету, вот и кричит татка сердито.

А у Ритки много чего есть.

Есть, во-первых, у Ритки младшая сестренка Гелька.

Гельку никто за водой не пошлет, ей всего четыре года.

А Ритке уже семь – подумай-ка, большая, старшая.

Еще есть у Ритки четыре тетрадки – две в линейку и две в клеточку. Ритка осенью в школу пойдет.

Точно пойдет. Татка с мамкой много про что забывают.

Забывают еды сварить.

Забывают, что у Гельки валенок нет.

Забывают, что детям спать пора.

Но уж про школу не забудут, не может такого быть.

Еще есть у Ритки два старших брата. Но они совсем отдельно живут, взрослые они. Так что на Ритке весь дом держится.

Мамка на ферме все время, а татка у Ритки пастух. Лето когда – то пастух, а зимой просто так себе человек. Феликс Иванович.

И прозвище у татки смешное – его все Феличитой зовут.

– Вон, Феличита орет, кнутом щколкает, пора корову в стадо гнать.

Еще есть у Ритки соседка, Вера Муратовна.

– Заходи, – говорит Вера Муратовна, – почаще ко мне, Ритка. Щец тебе налью, пирожка вот...

Ритка никогда не отказывается – ни от щец, ни от пирожка, ни от картошки. Потому что Ритке есть все время хочет-

ся, а у Веры Муратовны все очень вкусно.

Мамке Риткиной некогда готовить, она с фермы придет, говорит:

– Ох, устала я, доча, так уста-а-ала.

Глядь, и спит уже мамка. И татка спит. А в избе и темно, и холодно, и ужин не варен.

Гелька в уголке носом шмыгает.

– Ритк, давай картошки сварим.

– Сварим, сварим, – ворчит Ритка, – ты, что ли, в подпол полезешь за картошкой?

Гелька тут же реветь начинает. Потому что в подполе – это же все знают – Бабайка живет. Черный Бабайка, в самом углу. Только ногу на ступеньку поставишь, чтобы в погреб спуститься, а он тебя за подол мохнатыми пальцами как ухватит, как утащит в мышинные норы, в самую темень – только тебя и видели, только тебя и слышали, и косточек твоих не останется, и поминай, как звали тебя, Гелька.

Любит Бабайка мышей пасти, сырой картошкой хрустеть и тех, кто в погреб лазит, хватать-пугать.

Гелька в углу зажалась, мокрыми глазами хлопает.

А есть-то все равно надо.

– Не полезем мы в погреб, Гелька, пойдем хлеба достанем, посолим и поужинаем.

И водой можно запить. С молоком вкуснее, конечно. Только вот молока нет. Молоко мамка все дачникам продает, а воды Ритка принесла сегодня много.

Хоть и боялась коровы – а четыре раза ходила за водой по полведра.

– Ты, Гелька, не реви, вот наедемся хлеба и спать ляжем, а завтра мамка встанет, картошки наварит, с маслом, с чаем, и сытно и тепло будет, Гелька.

Глава 3

Что у Ритки будет

В доме у Веры Муратовны все не как у Риткиных родителей.

– Конечно, – улыбается Вера Муратовна, – все как у людей. – И ты, Ритка, вырастешь, замуж выйдешь, заведешь себе дом свой, коровку, гусей...

– Я коровку, наверное, не заведу, – говорит Ритка, макая ложку в миску со сметаной, – ну ее, коровку. Я ее боюсь. А дачники обойдутся. Без молока-то, говорю, обойдутся дачники.

Про замуж Ритка и не думает пока. Это далеко. Вот мамка за таткой замужем. Что хорошего? Нет, конечно, неплохо, что они родили Ритку. И Гелька – хотя иногда противная и ревет много, – хорошо, что есть Гелька.

С Гелькой в темном доме, когда родители спят, не так страшно вдвоем.

Но друг с другом мамка и татка ругаются все время.

А иногда и дерутся. Ритка с Гелькой тогда прячутся в сених или на печке. И сидят тихо, потому что татка может и их стукнуть – он, когда злой, не разбирает, ему все едино: мамка, Ритка или кошка под руку попадетя.

Так что зачем замуж?

Вот корова своя – это важно. Хоть и боится корову Ритка,

а все же понимает: нужна в хозяйстве корова или коза.

Думает Ритка: завести ли корову или козой обойтись?

– Это твоя мамка все молоко дачникам продает, а добрые-то люди своих детей... – начинает было Муратовна, да замолкает почему-то, переводя разговор на другое:

– Расскажи, Ритка, какой ты дом себе заведешь?

– Большой, – говорит Ритка, – чтоб в сенях окно, и в доме пять окон, как у Хетчиковых, и крылечко со стеклышками. Бабка Хетчикова на крылечке сидит весь день, глядит, как автобус с Зименской проезжает. Вот моя мамка будет старая, будет на крылечке сидеть и посматривать тоже. Шаль ей куплю, мамке, белую, козявую.

– Глупая ты, Ритка, козья шаль-то. Мамке, значит, шаль. А татке своему чего купишь?

Ритка молчит, ложкой в миске со сметаной водит.

Потом говорит неохотно:

– А татке... тоже чего-нибудь. Чего ему там надо.

Ну, унты новые.

Не хочется Ритке про татку говорить. Лучше про дом.

– А в доме у меня будет все как у людей, да!

Вера Муратовна оглядывает комнату:

– Это как же, Ритка, у людей?

– Ну вот как у тебя. Я к стене комод большой поставлю. На нем дорожку вязаную. Да у нас есть, бабка моя вязала. На полатях в тряпье валяется, мамке-то не надо, у нас все равно комода нету. Вот ее возьму, постираю.

– Дак ты сейчас постирай, Ритка, и дома на стол постели.

Молчит Ритка, думает. Мамка про красивую кружевную дорожку забыла, а постирает ее Ритка, мамка обрадуется. Красиво будет в доме.

В доме-то у Ритки ведь хорошо тоже. Там стол есть, кровать мамкина и таткина, еще бабкин старый сундук.

На столе все время посуда копится, Ритка ее моет-моет, да не успевает перемыть: у татки с мамкой гости все время.

Но вот комода нет у них. И занавесочек, как у Веры Муратовны, нет. И на кровати нет покрывала такого красивого.

– А ты, Ритка, сама научись-ка вязать. Я вот тебя научу, хочешь? Свяжешь себе хоть дорожку, хоть скатерку.

– У меня денег нет на пряжу, – солидно вздыхает Ритка. – Не с чего заводиться хозяйством, если денег нет.

– А ты вот что. Ты ко мне на работу поступай. Вот возьми веничек да полы у меня в сенцах промети. А то у меня спина болит, радикулит. А я тебе за это ниток два клубка отдам. И вязать научу.

Ритка чистоту любит. Веник в углу уже стоит, промела Ритка сенцы, но ей мало:

– Муратовна, у тебя ведро где поганое, я полы мыть буду! Соседка головой качает:

– В кого ж ты такая чистюля-то растешь, золотая моя? Вот тебе ведро, мой, что с тобой сделаешь...

Моет Ритка полы, а к Вере Муратовне другая соседка зашла, Моня Ваниха. За солью или за маслом. Они на крыльце

разговаривают. Думают, не слышит их Ритка.

– Это ты себе батрачку наняла, что ли, за харчи, Муратовна?

– Да что ты Моня, язык твой поганый, ну помогает девчонка, сама ж знаешь, мне наклоняться тяжело с радикулитом, а тут хоть грязь развезет – все мокро да не пыльно будет.

– Смотри, переселится к тебе, не выгонишь потом. Кормишь ты их, кормишь, я гляжу, а мать-то ее больно хорошо живет.

Вера Муратовна вздыхает:

– Говорят, она молоко все свое дачникам продает, ну тем, которые у Симоновых снимают избу. А дети не то что на сметану, на снятое молоко глядят голодными глазами.

– Ой, да я бы этим дачникам-то сказа-а-ала, – цедит Вануха, – сказа-а-ала бы про то молоко, да не буду коммерцию Новачихе перебивать.

Ритка моет в углу и помалкивает. Новачиха – это ее мать так зовут, а что такое коремция какая-то – Ритка не знает. Но не даст Ритка перебивать мамке коремцию эту, вот еще. У них с мамкой и таткой и так в доме не много богатства, и коремции нет, хорошо, хоть дачники молоко покупают.

Правда, Ритка молоко тоже любит, но его у Веры Муратовны иногда пить можно. Часто Ритка стесняется, а раза два-то в неделю заходит, когда очень уж Муратовна приглашает.

Соседки на крыльце между тем дальше беседу ведут:

– Ну и что ж ты про их молоко сказала бы? Корова у них хорошая, молоко жирное, не вкусно – не купили бы.

– Да Новачиха, она ж как муха навозная, она что корове за хвост, что за вымя, доит, рук не моет. Дачники к ним за водой на колодец ходят, а того не понимают, что у них тут под лабазом и колодец, и корова в метре стоит.

– Ну так и что?

– Как это что? И хвостом в ведро машет, и под себя ходит там же, где стоит. Оно все в земельку, а из земельки-то куда – в водичку, а водичка-то в колодце – пейте, пейте, дорогие.

– Да ну тебя, земля все очистит.

– Очистит-то очистит, а ты к ним на колодец не ходишь, почему? А кашляет Феличита. Может, у него энтот... беркулез?

– Да бог с тобой, Ваниха, наговоришь еще. Фельдшер давно бы уж погнала его лечиться, просто курит он много, вот и кашляет. А Ритка в школу пойдет, будут детей проверять, сразу будет ясно, здоровы там дома у них или как.

– Или как, – хмыкает Ваниха. – А то тебе не видно как.

Ритка на крыльцо вышла, поганое ведро тащит вперегиб:

– Посторонись, Муратовна, я ведро выплесну!

– Какая у тебя работница золотая, – запела Ваниха громко.

Ритка на нее только зыркнула глазами.

И промолчала.

А глаза у Ритки такие – их Ваниха боится. Один глаз у

Ритки зеленый, а другой карий.

Говорят, сглазить может Ритка. Вот бы Ваниху сглазить, только не умеет она, не знает как.

Несет Ритка ведро к забору и шепчет: «Чтоб ты сглазилась, Ваниха, чтоб ты сглазилась!»

Ушла Ваниха.

Может, еще сглазится. Попозже.

А Муратовна Ритку нахваливает. Потому что пол Ритка очень чисто моет, все досочки блестят. Любит Ритка чистоту.

– Вот твои клубочки, а вот крючок, – говорит ей Вера Муратовна. – А вот так петелька делается, на пальчик оборачивается...

Ритка старается. Вяжет длинную цепочку. Муратовна сказала – свяжешь пять метров ровной цепочки, будешь столбики вязать. А из столбиков – можно любую кружевную красоту сделать.

Вечером, когда Ритка засыпает дома, уткнувшись в Гелькино плечо, перед ней тянется бесконечная цепочка петелек, одна за другой, одна за другой... «И вовсе не навозная муха моя мамка, – сонно думает Ритка. – И вовсе она у меня красивая. Ее только умыть и накрасить. Я вырасту, научусь, свяжу ей кружевную шаль... козявую...»

Глава 4

Как сберечь здоровье

Мир устроен очень просто.

В центре мира стоит деревня Большая Шеча. Одна сторона наша, вот эта, а та сторона – чужая, там Сосновка. Дачники приезжают и смеются: как это у вас две стороны деревни по-разному называются? А так всегда было, с самого начала жизни. От Сосновки проулок, там и вовсе Загибаловка, и живут там неведомые загибаловцы, Риткины односельчане с ними не дружат.

В одну сторону от деревни луга, там клубника растет дикая. В другую сторону – безымянные овраги тянутся и речка течет по имени Шечка, а самый главный овраг называется Каменный лог. По низу лога течет ручей, туда татка коров водит на водопой.

Еще в мире есть Средняя Шеча, сразу за Большой, если по дороге ехать. Ее крыши виднеются за полем.

В этот мир откуда-то приезжают каждое лето дачники, и два раза в день проходит по деревне зименский автобус.

Ритка никогда не задумывалась, откуда дачники и почему автобус зименский. Так было, так есть и так будет во веки веков.

Утром Ритка просыпается поздно. Татка стадо погнал, хотел Ритку с собой взять, да пожалел вдруг. Пусть поспит еще

Ритка.

– Только приходи в обед, а то скучно мне без тебя, – гудит татка над Риткиным ухом.

Так что собирается Ритка.

А Гелька за ней ходит, ноет:

– Я дома одна не останусь, с тобой пойду, только давай поедем сначала, и хлеба еще с собой возьмем!

Мамки дома нет, но у Ритки и Гельки праздник: в подпечке стоит пузатенький чугунок с мелкой вареной картошкой в мундире. Картошка вся в глазках и бочки у нее зеленые. Гелька таскает картошку прямо из чугунка, а Ритка делает себе кушанье по-взрослому. Картошку режет краешками в эмалированную миску, солит и подсолнечным маслом поливает. Вкусно. Гелька всухомятку пузо набила, теперь в Риткину тарелку тянется.

– Сама накроши, – сердито отпихивает ее Ритка.

– Я ножа боюсь, порежусь, – ноет Гелька.

Вот же горюшко. Ритка крошит еще картошки, в две алюминиевых липких кружки наливает воды:

– Завтракай, Гелька. Сейчас к татке пойдем, будем искать, куда он сегодня стадо погнал.

Гелька чавкает картошкой, и Ритка царапает вилкой уже по дну.

Жужжит у края стекла залетевшая от соседей пчела, бормочет радио.

И говорят по радио про здоровье.

Здоровье Ритку очень интересует.

Татка и мамка у Ритки все время болеют. Сперва к ним гости приходят, они веселятся, песни поют, и шумят иногда, и даже дерутся. Как маленькие, думает Ритка. Маленькие тоже дерутся и шумят.

А потом мамка валится спать, и ее не добудишься.

– Ох, болею я, Ритка, не трогай ты меня за-ради-господи.

И татка болеет.

Чем они болеют, не знает Ритка. Волнуется за них. Совсем старые стали у нее татка и мамка. Вдруг еще помрут – куда тогда пойдут Ритка с Гелькой?

Как-то раз Ритка проснулась ночью и подумала, что все однажды умрут. И она тоже. Хотела было Ритка зареветь о себе. Потому что умирать ей очень страшно. Но потом она подумала: сперва, конечно, помрут татка и мамка.

Вот как померла бабка Лидия Игнатъевна, которую Ритка и не видела никогда. Вся Лидия Игнатъевна – только серая фотка на стене, мухами обсиженная. Кофточка у Бабки белая в горошек. То ли в горошек, то ли опять эти мухи. Брови у Бабки черные, строгие. И глаза строгие. Это таткина мамка была. Вот была – а теперь только фотка на стене.

И татка с мамкой будут фотки на стене. И не будет их нигде, и останется Ритка одинешенька, и только Гелька будет рядом нить, и куда тогда Ритка денется?

Ревела, ревела Ритка, наверное, полночи ревела.

А потом решила, что, как мамка и татка помрут, она пой-

дет к соседке Вере Муратовне. Та их с Гелькой накормит. А потом, может быть, брат из города приедет. Только Ритка его видела всего два раза, и не знает его Ритка, и не любит, и жить у него не хочет.

Потом Ритка проснулась, и уже было утро. Утром не страшно, что помрешь – кто же утром помирает?

Но про здоровье Ритка очень внимательно слушает.

Она, может быть, даже доктором станет, когда вырастет. Будет родителей лечить, и Вере Муратовне радикулит вылечит. Радикулит – это когда спина болит и наклониться не можешь.

Иногда по радио рассказывают, какие есть хорошие лекарства, только Ритка названия их записать не умеет, а запомнить не может. Все помнит-помнит, а к вечеру опять раз – и забыла.

Да и нету у мамки с таткой денег на лекарство.

Так что доедает Ритка картошку и слушает, как по радио говорят, мол, очень полезно босиком ходить. От всех болезней всего полезней.

– Вот, Гелька, пойдем мы с тобой сейчас татку со стадом искать – босиком. И все болезни от нас убегут, испугаются.

– Ты что, Ритка, ноги-то наколем, – рассудительно возражает Гелька.

– А слышала, по радио сказали – сто болезней уходят сразу. Или ты помереть хочешь от ста болезней?

Гелька помирать не хочет и идти босиком соглашается.

Берут они с собой полкирпича хлеба, наливают в бутылку воды и отправляются в путь.

И сразу же понимают, что сделала Ритка глупость.

В воздухе тонко звенит полуденный зной, и если бы Ритка умела разбирать термометр, то знала бы, что на улице тридцать пять градусов. Это не только жара. Это еще и раскаленная, спекшаяся до состояния камня тропы. Вокруг деревни – красная глина, сильный дождь ее размывает в розовую густую кашу, в которой вязнут гусеницами трактора и безнадежно тонут-буксуют автобусы. Сейчас это обжигающая, рвущая ссохшимися комками серо-розовая лента дороги.

Ритка и Гелька идут по самому краю тропы, там, где высушенная трава колет ноги, но не так горячо.

– От всех болезней, Гелька, от ста болезней. Сейчас этот жар нам сто болезней вытащит прямо через пятки, и мы никогда не умрем.

Гелька тащится сзади:

– Ритка, а болезней на свете сколько, всего сто?

– Сто, – говорит Ритка уверенно. – Всего сто, это очень много.

– А сто – это больше миллиона?

– Куда больше! – уверенно говорит Ритка. И Гелька ей верит, потому что Ритка старшая, и потому что осенью она пойдет в школу. Так что Ритка точно знает.

Дальше Ритка молчит, терпит раскаленную землю под но-

гами и думает, что надо бы татку и мамку босиком заставить ходить. Чтоб не болели и не умерли.

Только как их заставишь?

Мамка у Ритки хорошая, но скучная. То ее дома нет, то она с гостями, то спит, то по двору шатается и песни поет. Но невесело поет. Румяная и глаза блестят. Ритка ее тогда такую боится, потому что мамка может Ритку не узнать, толкнуть или обругать. Что-то свое видит перед глазами мамка.

Когда мамка начинает с гостями петь и плясать во дворе, Ритка берет Гельку и убегает к соседке Вере Муратовне. Даже если ее дома нет, то можно спокойно посидеть на крыльце, в тишине. А вообще-то Ритка знает, где у Веры Муратовны ключ, можно и в дом зайти, если холодно.

Не всегда ведь на свете жара как сегодня. Бывает и дождь. Бывает и снег.

А как ходить босиком зимой? Вот недослушала Ритка радиопередачу. Но так сильно жжет пятки, что, наверное, зимой ходить босиком уже будет не нужно, все болезни и так убегут сегодня к вечеру.

Наконец тропа спускается к логу, где ручей разливается широко, где берега истоптаны коровьими копытами, а на дне плоско сереют огромные мылкие пластины камней. Здесь через ручей переброшено большое бревно.

Ритка и Гелька садятся на него и с наслаждением опускают обожженные подошвы в холодную воду.

– Ритка, давай хлеба поедим? Там много, татка, наверное,

с собой тоже взял, и нам, и ему хватит.

Они болтают в прохладной воде ногами, едят пересоленный сельмаговский бурый хлеб и смотрят, как над водой кружатся стрекозы, а к наполненным водой копытцам прилетают большие бабочки. Ритка знает, что сюда прилетает не только рыжая крапивница и белесая капустница, не только голубой мотылек, а иногда и желтокрылый красавец. Огромный. Как его зовут, Ритка не знает. Когда его видишь, надо загадать желание, и если ты успела выговорить его три раза, пока желтокрылый не вспорхнул снова, то оно сбудется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.